

В.И. Терентьев

**РЕЦЕНЗИЯ: КИМЕЕВ В.М. ШОРЦЫ. КТО ОНИ? ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ.
2-Е ИЗД., ДОП. И ПЕРЕРАБ. КЕМЕРОВО : КЕМГУ, 2016. 255 с.**

Анализируется новая монография известного этнографа В.М. Кимеева о тюркском народе шорцы, проживающем в Кемеровской области.

Ключевые слова: В.М. Кимеев; шорцы.

В самом конце 2016 г., спустя более четверти века, мой Учитель, известный сибирский этнограф Валерий Макарович Кимеев переиздал в дополненном и переработанном виде свою первую монографию, опубликованную в 1989 г. по результатам защищенной им кандидатской диссертации.

Вызывает удивление то, что за период, проследовавший между двумя изданиями, не было опубликовано ни одной этнографической книги, посвященной шорцам. В последнее время в России редко встречаются монографические исследования, посвященные конкретной этнической общности. И дело тут не только в «постреквиевских» перестановках акцентов в используемых теоретико-методологических подходах этнографической науки. Основная причина – смена объектопредметной направленности новейших исследований, а также переориентация ученых на издание статей, диктуемая погоней за публикационной активностью и необходимостью отработки грантов. Сегодня призраками практически забытой советской традиции издания классических народоведческих этнографических монографий являются работы из академической серии «Народы и культуры». В принципе, казалось бы, что на вопрос, поставленный в заглавии книги, автор отвечает в первых предложениях введения и заключения: «Шорцы – это тюркоязычный народ... уникальный по своей природе и истории... окончательно сложившийся в период национально-государственных преобразований советской власти в первой половине XX в.» (С. 4, 165). Тем не менее риторика названия работы, присутствующая некоторым аналогичным этнологическим исследованиям, вышедшим в советское время (например, «Кто вы, айны?» Ч.М. Таксами и В.Д. Косарева), в наши дни обретает новое содержание. Если в XX в. авторы ставили, в первую очередь, задачу дать историко-этнографическую характеристику народа, то сегодня гораздо актуальнее понять, кого из смешанного населения стоит считать, в нашем случае, шорцами, когда только 3,3% народа владеет шорским языком, в таежных поселках проживает и занимается натуральным хозяйством около 10–20% этнической общности (С. 5–6), а остальная часть в культурном отношении мало чем отличается от других россиян.

Работа состоит из шести глав. В первой историографической главе «История изучения шорцев» В.М. Кимеев делает анализ всех известных источников по теме, начиная с XVII в., с так называемого ознакомительного этапа, и заканчивая современностью. Отдельно автор обращает внимание на работы «краеведов и публицистов из среды национальной интеллигенции», в которых содержатся «не выдерживающие никакой критики утверждения» (С. 23), а также на другие публикации, в том числе и профессиональных культурологов, конструирующих «шорскую кухню, традиционно-праздничную обрядность и хореографическую культуру» (Там же).

Во второй главе «Этногенез и этническая история кузнецких татар-шорцев» рассматриваются гипотезы о происхождении шорского населения, дается характеристика девяти этнолокальных групп кузнецких татар, объединенных в три крупные этнотерриториальные общности, которые в советский период слились «в составе Горно-Шорского национального района в единый шорский этнос» (С. 31), показано влияние русской колонизации и советской национальной политики на этногенез во всех его пониманиях. В.М. Кимеев указывает на возможный выход из кризисного состояния в изучении происхождения шорцев: не останавливаться на попытке изучения их как «единого этнического целого», а рассмотреть данную проблему по отдельным этнолокальным группам (С. 30).

Автор делает важный вывод: в результате реорганизации Горно-Шорского национального района в 1939 г. «без поддержки со стороны государства еще до конца не консолидированный малочисленный шорский народ в условиях прогрессирующей ассимиляции самостоятельно развиваться не мог», в послевоенные годы же «главной задачей Горной Шории было развитие промышленности, а вопросы социально-экономического и культурного развития... отошли на второстепенный план» (С. 67). Причем критики реорганизации национального района подчас забывают, что в 1930-е гг. по всему СССР было ликвидировано примерно 5 тыс. аналогичных административно-территориальных образований. В.М. Кимеев лаконично резюмирует, что «шорцы здесь не составили исключения» (Там же). В этой же главе автор констатирует, что после «ликвидации колхозов Горной Шории как нерентабельных» в 1960 г. «прекратилось финансирование ново-

го строительства, после чего дома, школы, клубы постепенно пришли в негодность», в результате этого к концу 1980-х гг. «из 13 клубов на 85 населенных пунктов (Nota Bene. – В.Т.) 4 в аварийном состоянии, а 5 требуют капитального ремонта» (С. 67–68).

В третьей классической этнографической главе «Традиционные занятия шорцев» дано описание их охоты, рыболовства, собирательства, скотоводства, земледелия, пчеловодства, торговли, отхожих промыслов и средств передвижения. Рассматриваются традиционные ремесла шорцев: древняя металлургия, кузнечество, гончарство, обработка шерсти, волокнистых растений, ткачество, выделка кожи, народное искусство, художественные промыслы и орнамент. Не стоит сомневаться в подлинности и доскональности излагаемых этнографических подробностей и деталей, поскольку автор провел в экспедициях в Горной Шории и попросту прожил среди шорцев более 40 лет. Фактически В.М. Кимеев вышел на тот уровень исследований, когда он как этнограф не то чтобы стал частью поля (за достижение данной цели как свидетельства полного погружения в изучаемую культуру ратуют некоторые этнографы-аборигены), но, скорее, поле стало частью его дома, когда постоянные друзья-информанты из этнической среды подолгу пребывают у него в гостях и считают его чуть ли не своим родственником.

Также классическим для этнографического исследований темам посвящены четвертая («Традиционная бытовая культура шорцев») и пятая («Духовная культура шорцев») главы. Здесь описываются поселения, жилища, хозяйственные постройки, домашняя утварь, пища, одежда, обувь и украшения, а также дошаманистские культы, шаманизм, семейные обряды, фольклор, история создания шорской письменности и безуспешные попытки обучения шорскому языку в наши дни. В.М. Кимеев, будучи, помимо прочего, экспертом в сфере шорских музейных коллекций, по обыкновению, легко и грамотно оперирует терминологией на шорском языке, связанной с материальной и духовной культурой. Характеризуя ситуацию религиозного синкретизма, автор отмечает важные черты, присущие современным шорцам: «...большинство придерживается светского мировоззрения» (С. 121), для них «характерен религиозный нигилизм», а «попытки внедрения неошаманизма... пока не находят поддержки даже у старшего поколения...» (С. 138). Автор обращает внимание на то, что именно в 1930-е гг. по мере просвещения народа «окончательно сложилось общешорское этническое самосознание и закрепилось общее самоназвание – шорцы» (С. 149).

Особый интерес представляет заключительная, шестая, глава монографии «Современные этнополитические и этнокультурные процессы у шорцев». В первом параграфе В.М. Кимеев описывает процесс «национально-культурного возрождения», характеризует деятельность «Ассоциации шорского народа» и излагает хронологию Съездов шорского народа, организованных Ассоциацией. В подавляющем большинстве рас-

сматриваемых событий рубежа 1980–1990-х гг. автор принимал непосредственное участие как консультант, активный деятель и наблюдатель.

Во втором параграфе В.М. Кимеев осмысляет «этнокультурный неотрадиционализм» у современных шорцев и прослеживает перспективу «сохранения традиционной культуры» в контексте «сохранения этнокультурного наследия» в составе экомузеев (С. 163–164). Автор констатирует факт утраты основных черт традиционной культуры у всех групп шорцев и подчеркивает сконструированный характер современного их вторичного этнокультурного пространства, демонстрируемого сегодня в качестве образца традиционной культуры шорцев, в действительности фактически ничего общего с ней не имеющего. Практики неотрадиционализма развиваются в основном в городской среде. В.М. Кимеев простыми словами описывает депрессивную социокультурную обстановку, царящую в «чисто шорском» пос. Усть-Анзас, рисуя картину вымирания шорских таежных улусов (С. 161), и выступает за адресную поддержку конкретных активных работоспособных, продуктивных сельских домохозяйств, а не безликого «этноса», когда все средства оседают в карманах представителей городской национально-политической элиты.

В заключении автор, подводя итоги, вполне определенно отмечает, что «проблема “возрождения” национального языка и общешорской традиционной бытовой культуры... вряд ли... может в ближайшие годы быть решена». Успешным в этом направлении, помимо создания различных общественных организаций и музеев, можно считать «проведение традиционных праздников при поддержке местных властей» (С. 167).

Текст монографии качественно и содержательно дополняют приложения: уточненный перечень районов и населенных пунктов компактного проживания коренных малочисленных народов Севера в Кемеровской области (1989 г.), таблицы родového состава шорцев конца XIX – начала XX в. и распределения по волостям исторических предков шорцев в XVII–XVIII в. и фотографии, как сделанные лично автором, так и этнографами Н.П. Дыренковой, Л.П. Потаповым и топографом Г.И. Ивановым, хранящиеся в коллекциях Кунсткамеры, Новокузнецкого и Алтайского краевого краеведческих музеев, а также другими фотографами: А.В. Вязгизовым, Д. Коробейниковым и А.В. Придчиным. Примерно половина фотографий публикуется впервые. Слово закольцовывая композицию двух изданий, В.М. Кимеев в 2016 г. помещает последней иллюстрацией фотографию сказителя А.М. Кисорова с семьей, которая была размещена на обложке книги 1989 г.

Единственным замечанием к рецензируемой работе могут быть только наличие повторов, опечаток и отсутствие вводной части к последней главе, в какой-то мере затрудняющее чтение. Но это, скорее, редакторская недоработка, ни в коей мере не умаляющая сей труд.

В целом хотелось бы рекомендовать данное самое полное на настоящий день описание шорцев к прочтению не только специалистам: этнологам, историкам и музееведам, кому адресует монографию сам автор, но также сотрудникам областной и районной администраций и, собственно, шорцам: рядовым жителям городов и таежных поселков и представителям национально-политической элиты. Не будет преувеличением сказать, что практически каждый шорец читал данную работу еще в первом издании, после чего доходило до парадоксов. Исследователи, приезжая в шорские улусы с целью изучения местной культуры, при общении с аборигенами часто получали ответ: «Почитайте книжку

В.М. Кимеева, там же все написано, что еще рассказывать?» Комментарии излишни.

Тем не менее с того времени, во-первых, выросло новое молодое поколение, вероятнее всего, не знакомое с содержанием монографии, а во-вторых, в процессе «возрождения культуры» элита при активной финансовой поддержке региональных властей продолжает политику конструирования новых традиций и трансляцию их в массы посредством «театрализации этничности». Чтение данной книги поможет избежать подобного мифотворчества и получить ответ на вопрос, поставленный в заглавии: так кто же они, шорцы?

Terentyev Vladislav I. Plekhanov Russian University of Economics, Ulaanbaatar branch (Mongolia, Ulaanbaatar). E-mail: vlad33@bk.ru

REVIEW: KIMEEV V.M. SHORIANS: WHO ARE THEY? ETHNOGRAPHIC ESSAYS. THE SECOND EDITION. KEMEROVO: KEMSU, 2016. 255 P.

Keywords: Kimeev; shorians.